

наличие внутренних связей в творчестве таких разных и вместе с тем таких близких чем-то друг другу писателей, как Шмелев и Чехов.

Художественная ориентированность Шмелева на чеховское искусство слова позволяет «говорить о типологической близости двух писателей»¹. Правомерна, на наш взгляд, постановка вопроса о творческой преемственности текстов Шмелева по отношению к чеховскому наследию. Это предполагает кропотливое изучение, в первую очередь, текстов произведений с преимущественным вниманием к наличию в них тематических, сюжетных, мотивных переключек и параллелей. Творчество Шмелева представляет собой богатый материал для такого сопоставительного анализа. Об этом свидетельствует ряд интересных работ исследователей. Однако вопрос о типологической близости и тем более творческой преемственности остается открытым. Целостного и объемного исследования, в котором бы формулировалась эта проблема и предлагалось какое-либо ее решение, до сих пор не было проведено.

Ю.Л. Василевская

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

По признанию самого Л.М. Леонова, он впервые прочёл Достоевского в тринадцать лет. Его поразило «громадное количество тайников, где спрятано безумно дорогое... что нельзя трогать»². Отталкиваясь от этих и других высказываний Леонова о Достоевском, можно обнаружить немалый круг проблем и аспектов, выявляющих созвучность философского, социально-эстетического мышления Леонова и Достоевского.

Присутствие Достоевского, прямая ориентация его на наследие или приближение к этому наследию с тем, чтобы оттолкнуться от него, — это, по мнению Н.А. Грозновой, живет на протяжении всего леоновского творчества. Она пишет, что произведения этих писателей «близки своей эмоциональной, своей интеллектуальной атмосферой. Эта близость сосредоточивается не только в типаже «маленького» человека или в особом «молекулярном» ракурсе изображения человека. Традиция Достоевского живет у Леонова в родстве философской проблематики, в сходстве стилистической настроенности, в определённой общности гражданских устремлений»³.

¹ Куликова Е. «Light in the Darkness»: Чехов глазами И.С. Шмелева // Молодые исследователи Чехова. Матер. Междун. науч. конф. М.: МГУ. 2001. С. 418.

² Грознова Н.А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы. Л.: Наука, 1982. С.37.

³ Грознова Н.А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы. Л.: Наука, 1982. С.46.

Современные исследователи творчества Леонова едины в своём мнении: связь его с наследием великого классика XIX века несомненна и очень органична для всех леоновских произведений. Например, В.П. Крылов пишет: «Леонов не раз корректировал своё отношение к наследию Достоевского, но не пересматривал его в принципе, потому что Достоевский помог ему увидеть и понять беспредельность внутреннего мира человека, исключаящую возможность сведения его к однозначным понятиям и определениям»¹.

Последний роман Леонова «Пирамида» активно рассматривается современными исследователями, которые отмечают в нём самые разнообразные литературные связи, но ещё не вписан в общий контекст изучения проблемы традиций в творчестве Леонова. Кроме Т.М. Вахитовой², наличие в «Пирамиде» влияния Достоевского отмечалось многими исследователями, например, В.С. Фёдоровым, В.И. Хрулёвым, А.М. Любомудровым, А. Варламовым, В.В. Химичем, О.А. Овчаренко и другими.

Продолжая рассуждения исследователей творчества Л.М. Леонова, следует остановиться на некоторых моментах, иллюстрирующих идейные переклички Л.М. Леонова и Ф.М. Достоевского. Очень показателен эпизод с отречением дьякона Аблаева. Он вынужден был пойти на этот страшный шаг, чтобы не уморить свою семью голодом. Дьякон осмысливает свой поступок как измену Богу, но пытается оправдывать себя: «Что у них там, наверху, нищему за измену положено?» (I, 44)³. Именно тогда о. Матвей признался Аблаеву, что «его тоже давно смущали кое-какие явления, внешне как бы порочащие логику Божественного промысла...» (I, 44). Священник говорит о «логике Божественного промысла» так, словно её возможно постичь человеческим разумом. Он хочет логически оправдать поступок дьякона.

Сходный эпизод есть в романе Достоевского «Братья Карамазовы», в котором Смердяков говорит, что нет греха в том, чтобы отказаться от веры: «...раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут и греха не будет»⁴. Смердяков, не верящий в Бога, оправдывает этот «потенциальный» для себя грех рассудком, т.е. логикой, как

¹ Крылов В.П. Леонид Леонов — художник. Петрозаводск: Карелия, 1984. С.198.

² Вахитова Т.М. Поэтика Леонова и художественная картина мира XX в. // Русская литература. 2001. №4. Хрулёв В.И. Символика в прозе Леонида Леонова. Уфа, 1992. Любомудров А.М. Суд над Творцом: «Пирамида» Л. Леонова в свете христианства. // Русская литература. 1999. №4. Варламов А. Наваждение Л. Леонова. // Москва. 1997. №4. Химич В.В. Поэтика романов Л. Леонова. Свердловск: изд-во Ураль. ун-та, 1989. Овчаренко О.А. Последний роман Леонида Леонова. // Литература в школе. 2004. №6.

³ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Леонов Л.М. Пирамида. М.: Голос, 1994.

⁴ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т.9. С.145.

и о. Матвей. Но на эту длинную речь Смердякова Алёша замечает: «Нет, у Смердякова совсем не русская вера»¹. По Достоевскому, вера, проверяемая логикой, рассудком, не русская вера. И эпизод с отречением дьякона Аблаева показывает, что, несмотря на попытку «оправдания» своего греха, дьякон умирает от осознания своей «измены», которую он так и не смог себе простить.

Через весь роман проходит мотив чуда. Вот как понимает «чудо» «неисправимый скептик» (I, 212) Дюрсо: «По его [Дюрсо] словам получилось, что из человека вместе с социальными рудиментами прошлого выпотрошили надежду на чудо, право на тайну. А без тайны и чуда не может жить человек. <...> Человек должен иметь абсолютное право на чудо и тайну». При всём этом «чудо, как вино, можно разводить водой: золото, когда в нём втрое меди, всё равно считается золото» (I, 215-216). Сопоставляя высказывания Дюрсо с романом «Братья Карамазовы», мы можем провести следующие параллели: от первого высказывания — к «Легенде о Великом инквизиторе», от второго — к «Кане Галилейской». Кошунственные слова Дюрсо о том, что чудо, как вино, можно разбавлять водой, «спорят» со словами Алёши Карамазова: «...я это место люблю: это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог...»² А его первое высказывание перекликается со словами Великого инквизитора: «Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. <...> О, ты знал, что подвиг твой сохранится в книгах, достигнет глубины времён и последних пределов земли, и понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес»³.

Слова Великого инквизитора вполне соотносятся с пониманием чуда о. Матвеем, Шатаницким, Сталиным, Дюрсо. В.И. Хрулёв писал: «...цель дьявола и намерение диктатора оказываются объективно связанными, и вождь представлен инструментом практического воплощения дьявольской задумки. Художественная интерпретация Сталина в «Пирамиде» опирается и на бытовавшее в народе представление о нём как Антихристе...»⁴

Одна из идей, проповедуемая Достоевским и подхваченная Леоновым, — идея братства. Как полагал Достоевский, братское начало ор-

¹ Там же. С.148.

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т.9. С.403.

³ Там же. С.287-288.

⁴ Хрулёв В.И. Сталин в романе Л. Леонова «Пирамида». // Наш современник. 2004. №8. С.246.

ганично вписывается в характер русского человека. Именно в соединении всех людей в единое Братство он видит «золотой век» России. Эту идею в романе «Пирамида» пытаются воплотить в жизнь большевики с той лишь разницей, что Достоевский не отделял идею всеобщего братства от христианской веры, а они хотели прийти к «светлому будущему» без Бога. Мечту о всеобщем братстве большевики во главе со Сталиным используют как приманку, чтобы прийти к власти. В их понимании, люди должны быть одинаковыми (во избежание новых революций) не только в материальном плане, но и, самое главное, в плане «внутреннем», «душевном».

Леонов в своём последнем романе развил многие идеи Достоевского, а некоторые подвергнул переосмыслению. Писатель солидарен с Достоевским в том, что вера, проверяемая разумом, — нерусская вера. Особенно ярко отразились в «Пирамиде» идеи, заложенные в «Легенде о Великом инквизиторе». Америка и Европа в романах Достоевского отождествлялись с «миром Антихриста». А в «Пирамиде» носителями и распространителями идеи чуда как инструмента управления людьми становятся лица нерусского происхождения (но здесь помимо Европы фигурирует ещё и Кавказ).

Герои «Пирамиды», как и герои романов Достоевского, обсуждают проблему теодицеи. Возникновение зла в «Пирамиде» происходит сразу после создания человека и исчезнет оно только со смертью всего человеческого рода, т.е. Леонов иначе, чем Достоевский, решает эту проблему за счёт введения в «канву» романа апокрифа Еноха, повествующего о размолвке Начал. У Леонова человек становится не только полем битвы добра и зла, но и причиной размолвки.

Н.М. Иванова

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ ПОЭТА В СВЕТЕ АВТОРСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале лирики Н. Гумилева)

Традиция отечественной авторской лексикографии связана по преимуществу с репрезентацией словарного богатства языка писателя в его индивидуальном своеобразии — как части общенационального словаря¹. Объектом лексикографического описания при таком подходе оказывается **слово** как феномен языка писателя (идиолекта).

Задача исследования авторского сознания требует иного подхода к отбору и систематизации лексикографического материала, а именно —

¹ В качестве наиболее показательных примеров назовем: Словарь языка Пушкина. В 4-х т. М., 1956-1961; Словарь языка русской поэзии XX века Т. 1: А — В / Сост. Григорьев В.П., Шестакова Л. Л. и др. М., 2001.